

И. Барсэл

Москва

Как у Александра Блока не было романа с Ахматовой

Как же давно, почти в юности, мне пришла в голову догадка о том, что две ахматовские поэмы, между которыми почти 26 с небольшим лет, каким-то очень важным образом связаны друг с другом. Первая – «У самого моря», полная нежных чувств, волнений, надежд, но вместе с тем начало ахматовской темы роковой непарности, невстречи и закрепившейся уже темы мертвого жениха. Вторая поэма – «Поэма без Героя». Один из самых гениальных, самых загадочных и самых сложных текстов поздней Ахматовой. Известно, что текст этот претерпел семь редакций, а работа над ним шла более двадцати лет.

Все события этой поэмы организованы вокруг «сочельниковской оси»: «Ощущение Канунов, Сочельников – ОСЬ, на которой вращается вся вещь, как волшебная карусель...».¹ В поэме «У самого моря» ОСЬ, на которой все вращается – пасхальные празднества. И если в поэме «У самого моря» в ночных песнопениях звучит: «Христос воскрес из мертвых ...», и тем самым читателю дается возможность подумать о воскресении (любви, в том числе), то в «Поэме без Героя», несмотря на то, что история развивается в крещенский сочельник (вечер гаданий и предсказаний), когда небо открыто, и все едино, – никаких надежд на будущее у героини уже нет. В тексте мы сталкиваемся с констатацией того, что «...он ко мне во дворец Фонтанный опоздает ночью туманной», «и во всех зеркалах отразился человек, что не появился и проникнуть в тот зал не мог».

Вопрос героини скорее не о том, кто явится ей (ибо понятно, что он уже не явится, он опоздал), а *почему* он не явится? Именно поэтому так широка панорама исторического всеохвата.

По причине довольно высокой ноты драматической трагедийности текста «Поэмы без Героя» параллель с таким по-детски милым и трогательно-безысходным текстом 1914 года, как поэма «У самого

моря», кажется совсем не логичной, но почему-то понимается, что ошибки нет и надо искать.

Неожиданно в 2011 году появляется изящное и глубокое исследование Л. Г. Кихней, в котором ученый называет поэму «У самого моря» еще одним зеркалом «Поэмы без Героя». ² Что ж, радуется, что ощущение связанности этих текстов возникает не только у меня. И вот, наконец, в книге В. Мусатова о лирике Ахматовой «В то время я гостила на земле...» есть любопытная и смелая глава – «Сон о Блоке». ³ Мнения литературоведов, прочитавших ее, разделились.

Известно, что сама Ахматова изо всех сил пыталась отрицать правомерность блоковской темы, даже свои «Воспоминания о Блоке» иронически называла «Как у меня не было романа с Блоком».

Понимая, что романа-то, в общем, может, и не было, а вот тема была, мне захотелось в ней разобраться. Более того, В. Мусатов – слишком серьезный ученый, чтобы затевать исследование ради того, чтобы выяснять присутствие-отсутствие отношений двух, пусть даже столь значительных, поэтов эпохи. Этим занимаются биографы, мемуаристы, но не литературоведы. У литературоведов задача исследования – научная.

Итак, где же спрятана загадка притяжения двух поэмов? Для этого попробуем найти точку отсчета текста «Поэмы без Героя».

Он очень запутан, зеркален и бесконечно множится. Возможно, (как писала Ахматова), свидетелям, современникам тех событий текст и был понятен, но нам (это очевидно) нужны комментарии.

В моих размышлениях подсказками послужили три авторских текста. Это, безусловно, текст самой «Поэмы без Героя», «Проза о Поэме» и статьи Ахматовой о «Каменном госте» Пушкина (работа над которыми велась параллельно созданию текста «Поэмы без Героя»).

Итак, Александр Блок, такой ли уж он обыкновенный современник в кругу ахматовских персонажей «Поэмы»?

Уверена, сейчас же в оппоненты мне бросится кто-нибудь, кто будет перечислять, как Ахматова называла Блока величайшим современником, «трагическим тенором эпохи» и т. д. Это правильно и понятно. Так же его воспринимали и Пастернак, и Гумилев, и многие, но я – о другом. Я о лирической составляющей блоковского присутствия в текстах Ахматовой. Нам известно, что волна слухов, на которые спустя время Ахматова сочла нужным ответить

своим эссе о Блоке, касается 1912–1913 годов. Что же происходило в это время?

Обратимся к «Прозе о Поэме», в которой Ахматова играет все в ту же игру с симпатическими чернилами. Она как будто бы и дает некоторые пояснения к своему столь сложному и запутанному произведению, но вместе с тем ничего из сказанного ею «не звучит в лоб», поэтому и не упрощает путь исследования.

Хочу остановить внимание читателя (обращаясь к ахматовской «Прозе о Поэме») на том, как и сколько раз Анна Андреевна упоминает в ней имя Блока. Я не любитель математики в литературе, но обращает на себя внимание тот факт, что ни к Гумилеву, ни к Пунину, ни к Исае Берлину (да и вообще почти больше ни к кому, разве что к Маяковскому) обращений нет, а к Блоку мы заметим пять явных и два косвенных. Посмотрим на них.

В первом случае имя Блока Ахматова упоминает, когда рассказывает о том, как шла работа над текстом поэмы:

«...работа над ней (когда она подпускала меня к себе) напоминала провление пластинки. Там уже все были. Демон всегда был Блоком»
(Ахматова, 357).

Пока еще непонятно, но очевидно, что Ахматовой важно подчеркнуть эту свою интерпретацию образа Блока в качестве Демона. И вот здесь я сделаю довольно подробное отступление.

Нам известно, что на протяжении 22 лет, в параллели с работой над текстом «Поэмы без Героя», Ахматова занималась написанием статей о «Каменном госте» Пушкина. Мы знаем, Пастернак говорил Ахматовой: «В отношении пушкинских начал Вы, Анна Андреевна, вообще единственное имя». Отношение к Пушкину у Ахматовой было очень личным. Она часто искала у Пушкина свое, и находила. Статьи о «Каменном госте» не исключение.

Именно она увидела в Гуане Поэта: «Дон Гуан – поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя “импровизатором любовной песни”... “Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...” – говорит в “Египетских ночах” Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина. Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего

Дон Жуана поэтом» (Ахматова, 371). Этот вывод Ахматовой сразу сближает Гуана и с Пушкиным, и с Блоком, и с ней самой, да и вообще с Поэтом.

Анна Андреевна выделяет еще и такую особенность пушкинского Гуана – это «испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король» (Ахматова, 371). Но вместе с тем его могла узнать и «каждая “Титана <было: цыганка. – И. Б.> или пьяный музыкант”» (Ахматова, 375).

Пушкинский Гуан – «герой до конца, но эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому он, несмотря на свое изящество и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников» (Ахматова, 372). Еще она подчеркивала, что Дон Гуан «может действовать по легкомыслию, как злодей, но он только великосветский повеса». Как все поэты, он – двоемирец. Кроме поэтического начала он вмещает в себя и демоническое. Об этом говорят обе героини. Донна Анна: «Вы сущий демон»; Лаура: «Повеса, дьявол». (Ср.: Ахматова о Блоке: «Демон всегда Блок».)

Ахматова замечает: «Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не были поставлены так резко и сложно, как в “маленьких трагедиях” Пушкина... “Каменный гость”... является обработкой мировой темы возмездия... “Каменный гость” – трагедия возмездия...» (Ахматова, 370).

Получается, что поруганная мораль грустным эхом возвращается к герою, лишая его возможности быть счастливым. Может, в этом и есть страшная сила возмездия. Нарушая нравственные законы, ты должен ответить. Причем ответить ты должен в тот момент, когда тебе есть что терять. Это тема пушкинского «Выстрела», когда герой, поплеывая косточки черешни, равнодушен к смерти. Это Дон Гуан, известный дуэлянт, играющий с жизнью.

Но стоит только появиться проблеску счастья, как героя лишают возможности им обладать. Это тот же герой «Выстрела» накануне свадьбы, и это Дон Гуан. «Пушкинский Дон Гуан гибнет не случайно и не бессмысленно. Статуя Командора – символ возмездия... Гуан не смерти и не посмертной кары испугался, а потери счастья», – комментирует Ахматова (Ахматова, 376). И еще. Хочу обратить внимание, что Ахматова между Командором и Дон Гуаном в пушкинском

«Каменном госте» обнаруживает знак равенства, ну, или он подразумевается, так как в своих дополнениях к статье о «Каменном госте» она пишет: «А то, что в “Каменном госте” Пушкин как бы делит себя между Командором и Гуаном, явление совсем другого порядка, что, как я надеюсь, доказано в этой статье» (Ахматова, 382). Таким образом, грешник и тот, кто вершит кару, – одно лицо.

«Итак, в трагедии “Каменный гость” Пушкин карает самого себя – молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия» (Ахматова, 382). Если обобщить то, на что Ахматова, размышляя, обратила наше внимание, получится следующее:

1. Дон Гуан, герой «Каменного гостя» Пушкина – Поэт.

2. Гуан Пушкина – испанский гранд, аристократ, которого не может не узнать король. И в тоже время это тот, кого узнает каждая Гитана и пьяный музыкант.

3. Пушкинский Гуан – это смесь холодной жестокости с детской беспечностью.

4. Несмотря на изящество и светские манеры, он страшней своих предшественников.

5. По легкомыслию он может действовать как злодей, но он только великосветский повеса.

6. Увлеченные им женщины (и Лаура, и Донна Анна) называют его сущим демоном.

Многое в этих ахматовских акцентах ложится штрихом к блоковскому образу.

И наконец, Ахматова говорит о том, что нигде более вопросы морали не поднимались так остро, как в «Каменном госте» Пушкина. При этом она называет трагедию – обработкой мировой темы возмездия, в которой вершится возмездие над поэтом. Но напомним очень важные ее строчки: «Пушкин как бы делит себя между Командором и Дон Гуаном...».

Интересно, что свою поэму «Возмездие», начатую в 1910 году, Блок так и не закончил. Эпиграфом к ней была взята строчка из Ибсена: «Юность – ты возмездие». С одной стороны, на этом можно было бы остановиться. Но кроме этого интересен в поэме и другой акцент. Несмотря на то, что поэма задумывалась как большая панорама для размышлений над темой о «нераздельности и неслиянно-

сти искусства, жизни и политики», им был задан довольно серьезный панорамный план:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень люциферова крыла).⁴

Но движение мысли автора устремилось уже в первых главах к наболевшему, к тому, что занимало Блока всегда, а в 1910-е годы особенно: к своим корням. В первой главе он обращается к родовой, семейной теме. Многие сюжеты автобиографичны, но особенно важен для нас в поэме образ отца, в котором поэт угадывает демоническое начало и, очевидно, размышляя, он пристально к нему присматривается:

И дамы были в восхищеньи:
«Он – Байрон, значит – демон ...» – Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали.

(Блок, 401)

В нем почивает некий Бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

(Блок, 418)

Но чуждо, пусто, дико стало
Все, прежде милое, кругом –
Под этим странным обаяньем

Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
(Блок, 404)

И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...

Он объяснения не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас – больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса – безумной,
Дрожащей жертвы...) –
Вот – любовь...
(Блок, 405)

Интересно, что, размышляя над темой демонизма, Блок пересекает ее все с тем же сюжетом Дон Гуана.

И Демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя смешно...
(Блок, 406)

В этой незаконченной автобиографической поэме, похоже, автору многое предстояло сказать, судя по концентрации мысли в каждой строке, но не сложилось. Однако он нашел для себя важное и очевидное в образе отца. Это демонизм. Не уверена, что такие качества передаются по наследству, но это то, на что натолкнулся Блок и над чем он задумался. «Смесь холодной жестокости с детской беспечностью». Не случайно тема Демона у него начинает обретать плоть (стихотворения «Демон», 1910, 1914.)

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Что так привлекло Ахматову в «Каменном госте» Пушкина? На какие вопросы обратила внимание Анна Андреевна, отмечая, что никто еще не ставил их так остро, как Пушкин в «Каменном госте»? Что это? Вопросы неверности? измены? предательства?

Напомним, что в основу сюжета «Поэмы без Героя» положена история Ольги Глебовой-Судейкиной. Влюбленный в нее поэт, увидев, как она целуется с другим в лестничном пролете, покончил с собой.

В «Каменном госте», который так тщательно изучает Ахматова, сюжет схож. С той лишь разницей, что погибает не счастливый соперник, а несчастный (в «Поэме без Героя»). В «Каменном госте» возмездие настигает счастливого, но легкомысленного и беспечного соперника. В трагедии Пушкина Командору дан шанс вершить правосудие. И мораль, таким образом, торжествует.

В «Прозе о Поэме» у Анны Андреевны есть одно замечание: «Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, – это, конечно, запись Пушкина: “только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне!” Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу... что они навсегда слились для меня» (*Ахматова, 357*). Речь идет о сюжете 1913 года, который мы только что напомнили, – самоубийство В. Князева.

В этой цитате важны два момента: во-первых, то, что автор десятилетиями скрывала от себя самой, о чем пойдет речь в поэме, и во-вторых, это очень интересное наблюдение В. Мусатова⁵ о том, как зимой 1917–1918 года Ахматова увидела целующихся в кулисах Блока и Дельмас. Почему эта подсказка, какое отношение она имеет к поэме, об этом чуть позже. А сейчас вернемся к «Прозе о Поэме».

Итак, второе упоминание о Блоке звучит у Анны Андреевны следующим образом:

«Вторая картина, выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого, это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (1913). “Это где-то у стены”, – сказала Ольга, но найти не смогла. Я почему-то запомнила эту минуту навсегда»

(Ахматова, 357).

Обратим внимание лишь на смыслы, которые нам кажутся важными. Первое – это то, что память отсылает автора ко дню похорон Блока. Второе – это факт того, что они не нашли могилу Князева.

Ольга забыла, где она... Искали могилу и не нашли... И третье – это год смерти Всеволода Князева – 1913. Хронологически реальное время случившейся трагедии. Это год, в декабре которого Блок надписывал Ахматовой книги в момент ее прихода к нему («Я пришла к Поэту в гости...»), и это тот год, которым открывается время текста «Поэмы без Героя». Ахматова умышленно возвращается туда через много лет. Это важно.

Третий случай упоминаний о Блоке в «Прозе о Поэме» выглядит так:

«...15 лет эта поэма неожиданно, как припадки какой-то неизлечимой болезни, вновь и вновь настигала меня (случалось это всюду – в концерте при музыке, на улице, даже во сне). Всего сильнее она терзала меня в декабре 1959 года в Ленинграде, снова превращаясь в трагический балет, что явствует из дневниковых записей (13 декабря) и строфы о Блоке.

Но была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
мне разделаться с бесноватой»

(Ахматова, 357).

В этом обращении к Блоку стоит обратить внимание на две вещи: во-первых, на то, что всего сильнее «она терзала» автора опять в декабре, во-вторых, на дату дневниковой записи – 13 декабря, указанную автором.

Относительно блоковской строфы, думаю, толкования не нужны, ибо смыслы в тексте вполне читаемы. Опять похоронная тема, связанная с Блоком.

Следующий, четвертый случай связан с таким обращением к Блоку:

«Итак, эта шестая страница неизвестно чего почти неожиданно для меня самой стала вместилищем этих авторских тайн. Но кто обязан верить автору?

И отчего думать, что будущих читателей (если они окажутся) будут интересоваться именно эти мелочи? В таких случаях мне почему-то воспомина-

ется Блок, который с таким воодушевлением в своем дневнике записывает историю “Песни Судьбы”. Мы узнаем имена всех, кто слушал первое чтение в доме автора, кто что сказал и почему.

Видно, Александр Александрович придавал очень большое значение этой пьесе. А я почти за полвека не слышала, чтобы кто-нибудь сказал о ней доброе или вообще какое-нибудь слово (бранить Блока вообще не принято)»

(Ахматова, 362).

Мне бы хотелось остановить внимание на двух моментах. Первое – почему на странице, которая неожиданно для автора становится вместилищем авторских тайн, опять упоминается имя Блока в связи с его пьесой «Песня Судьбы»? И второе – почему Ахматовой вспомнилось отношение Автора к пьесе, которой он, по словам Анны Андреевны, «придавал очень важное значение»? Почему это важно было подчеркнуть? Чей здесь акцент: Блока или Ахматовой?

И последнее, пятое свидетельство упоминания Ахматовой в «Прозе о Поэме» имени Блока:

«Она категорически отказалась идти в предместье. Ни цыганки на заплыванной мостовой, ни паровика, идущего до Скорбящей, ни (неразборчиво), ни Горячего Поля, она не хочет ничего этого. Она не пошла на смертный мост с Маяковским, ни в пропахшие березовым веником пятикопеечные бани, ни в волшебные блоковские портерные, где на стенах корабли, а вокруг тайна и петербургский миф, – она упрямо осталась на углу у дома, который построили в начале девятнадцатого века братья Адамини...»

(Ахматова, 262–263).

Здесь Ахматова довольно подробно описывает, куда поэма точно не хочет отправиться. Описывает, хорошо представляя себе предмет, в том числе и «блоковские портерные». Это важно.

После авторских помет и упоминаний о декабре, которые уже приведены, есть еще пара важных комментариев, на которые хочу обратить внимание:

«...я написала стихотворный отрывок “ты в Россию пришла ниоткуда” в связи со стихотворением “Современница”. Вы даже, может быть, еще помните, как я читала Вам оба эти стихотворения в Фонтанном доме в присутствии старого шереметевского клена (“а свидетель всего на свете...”).

В бессонную ночь 26–27 декабря этот стихотворный отрывок стал неожиданно расти и превращаться в первый набросок «Поэмы без героя»

(Ахматова, 358).

Далее:

«Поэма перерастает в мои воспоминания, которые по крайней мере один раз в год (часто в декабре) требуют, чтобы я с ними что-нибудь сделала»

(Ахматова, 363).

И последнее:

«Опять декабрь, опять она <Поэма. – И. Б.> стучится в мою дверь и клянется, что это в последний раз. Опять я вижу ее в пустом зеркале»

(Ахматова, 363).

Именно в связи с таким обилием авторских ссылок на декабрь и сквозным упоминанием 1913 года я попыталась найти в этом зимнем времени хоть какие-то ответы. Итак, что же это за мятежный декабрь 1913 года, в который приступы натиска «Поэмы» так сильны? Какие события происходят в нем? А события происходят почти судьбоносные. Известным биографическим фактом является то, что 13 декабря 1913 года Ахматова и Блок условились встретиться для того, чтобы Александр Блок надписал Анне Андреевне свои книги. Встреча произошла 15 декабря. За этим она и пришла в гости к Поэту. Нам неизвестно, какое объяснение произошло между ними и произошло ли оно. Никаких свидетельств тому не осталось. Записные книжки этого периода они оба уничтожили. Увы?! Но то, что от этого разговора многое в их дальнейших личных отношениях зависело, похоже, имеет правдоподобное основание. Это была кульминационная пора их романа-неромана.

Известно, что Ахматова и Блок познакомились в «Академии стиха» (Мойка, 24) 22 апреля 1911 года. Похоже, что они оба ждали этого знакомства. Ждали, потому что уже давно жили в одном литературном мире, в одном пространстве и времени, и с этой точки зрения были интересны друг другу. Известно, что еще в гимназические времена Ахматова интересовалась стихами Блока, благодаря С. В. фон

Штейну, который был мужем ее старшей сестры и университетским товарищем Блока. Думаю, что и Блок слышал о молодой поэтессе. Не случайно именно он обратился в «Академии» к Н. С. Гумилеву с просьбой представить ему Анну Андреевну.

Интересно, что уже на следующий день после этого знакомства Ахматова написала стихотворение «Рыбак» (которым, очевидно, очень дорожила, включая почти во все свои сборники), о котором В. А. Черных заметил: «Какое впечатление произвел Блок на Ахматову при первой встрече? неизвестно. Решусь отметить лишь, что в облике героя стихотворения “Рыбак” смутно угадываются черты Блока». ⁶ В. В. Мусатов уточнил: «В. А. Черных не прав только в одном: облик Блока в стихотворении Ахматовой вовсе не выглядит “смутным”. Уже в начальных его строфах нарисован яркий и четкий портрет». ⁷

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед,
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

(Ахматова, 45)

Уже в конце 1911 года Блок записал в своем дневнике (7 ноября): «...А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; чем дальше, тем лучше)...». ⁸ Потом Ахматова и Блок вместо вечера, на котором чувствовали Верхарна, оказываются на вечере у курсисток Бестужевских курсов. А после его окончания никак не могут отделаться от студента, который во что бы то ни стало пытается их проводить.

Кроме того, исследователям давно известно письмо матери Блока к М. П. Ивановой от 29 марта 1914 года, в котором она пишет: «Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть, и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантли-

вая, но печальная. А он этого не любит».⁹ Известно, что Александр Блок был в очень доверительных отношениях с матерью, вероятно, это слова самого Блока в передаче матери.

Позднее Анна Андреевна на них очень резко отреагировала, что выглядело не очень оправданно, поскольку с конца 1912 года они с Николаем Степановичем, оставаясь в браке, дали друг другу полную свободу. Да, об отношениях Ахматовой и Блока судачил Петербург. Да, об этом писала мать Блока. Но это совсем не значит, что из симпатии чувство обязательно должно перерасти в любовь или просто роман. Иногда не случается...

Итак, декабрь 1913 года. Вернемся к моменту декабрьской встречи Ахматовой и Блока. Это важная встреча. Не случайно в 1965 году в перечне встреч с Блоком последним 10 пунктом, вне всякой хронологии, она указывает именно ее, встречу в одно из последних воскресений декабря 1913 года, которое выпало на 15 декабря.

Встретившись, они, безусловно, беседовали, однако какой между ними произошел разговор, мы не знаем. Книги так и остались ненадписанными. Что их так отвлекло, неизвестно. Но беседа была, скорее всего, приятно-светской, без острых углов. Блок, как вспоминала позже сама Ахматова, был человеком хорошо воспитанным. Александр Александрович передал их только спустя несколько дней, через дворника, не повидавшись с Анной Андреевной.

На одной из переданных книг Блок надписал Анне Андреевне известный мадригал «“Красота страшна” – Вам скажут...», а Ахматова ответила на встречу в доме Блока стихотворением «Я пришла к поэту в гости». Вскоре они разместят этот свой поэтический диалог на страницах журнала «Любовь к трем апельсинам».

Но интересно другое стихотворение, которое подарил Ахматовой Блок в тот же день и которое, на наш взгляд, послужило началу совсем другого диалога. Это стихотворение «О, нет, не расколдуешь сердца ты...».

Предлагаю показавшиеся мне важными строфы из него:

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

<...>

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой –
Неузнанной, *красивой*, неживою.
Такой ведь ты искала? – да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И *он* придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от неземного сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг – очнешься: пусто, нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь – меня!

<...>

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 дек<абр> 1913

(Блок, 290). <Курсив наш. – И. Б.>

По поводу адресации этого текста В. Н. Топоров и В. А. Черных нашли убедительные аргументы в пользу Ахматовой. Более того, В. А. Черных выдвинул интересное предположение о том, что это стихотворение было в какой-то степени домашней заготовкой для Анны Андреевны. И, похоже, что так оно и есть. Блоку было важно сказать Ахматовой то, что содержат в себе строки этого текста. Он практически сразу обозначает дистанцию:

О, нет! не расколдуешь сердца ты...
Я буду для тебя чужим...
Всё призрак, всё мертвец...

Заявка была серьезной, и Ахматова это поняла. Дистанция между ними начинает увеличиваться. Предложив Анне Андреевне напечатать их поэтический диалог, Блок предпринял попытку перевести отношения в сугубо профессиональное русло. Ахматова приняла это спокойно.

Но ведь было еще одно стихотворение, подаренное в тот день. Думаю, оно вызвало то состояние, когда ум трезво оценивает, но эмоции – еще не готовы и сопротивляются. Чуть позже мы увидим, какую ответную реакцию даст Ахматова на блоковское «О, нет! не расколдуешь сердца ты...».

Поэма «У самого моря», завершенная осенью 1914 года, полная чувств и переживаний героини, ожидающей царевича, которому не суждено прийти, стала началом нового диалога с Блоком, продлившегося практически до конца жизни Ахматовой.

Судя по хрустальной настроенности автора, похоже, тогда, в 1914 году, она еще не понимает, что ситуация любовной коллизии разрешена. Еще кружатся остатки прежних эмоций, еще на станции Подсолнечной при виде Ахматовой в почтовом вагоне Блок записывает, что его дразнит Бес. Они оба оставляют в записных книжках пометки об этой встрече и т. д., но, появляясь на свет, поэма «У самого моря» подхватывает и продолжает тему «мертвого жениха».

В отличие от блоковской интерпретации, в которой тема «мертвого жениха» – знак усталости, «выгорания» и «мертвенности» сердца, «мертвый жених» Ахматовой – это роковая непарность, роковая не встреча, где точка превращается в многоточие, многоточие жизненных перспектив вообще.

Сопоставляя тексты: «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» и поэму «У самого моря» – легко заметить, что это начало нового скрытого диалога поэтов. Уже в первых строках слышится поэтический контрапункт:

А. Блок:

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
(Блок, 290)

А. Ахматова:

Ни красотой твоей, ни любовью, –
Песней одною гостя приманишь.
(Ахматова, 122)

А. Блок:

Все будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

<...>

Ты укорижны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.
(Блок, 290)

А. Ахматова:

Как я легла у воды – не помню,
Как задремала тогда – не знаю...
(Ахматова, 125)

Долго я верить себе не смела,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза, зеленее моря
И кипарисов наших темнее, –
Видела я, как они погасли...
(Ахматова, 126)

А. Блок:

Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

<...>

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой –
Неузнанной, красивой, неживую.
(Блок, 290)

Блок обыгрывает тему «мертвого жениха», а далее пророчит. Это своего рода P. S. к сюжету ахматовской темы:

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
<...>
И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от неземного сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг.
<...>
Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг – очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь – меня!
<...>

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.
(Блок, 290–291)

Удивительным образом, получив такой подарок от Блока, Ахматова его не прокомментировала и вообще не заметила. Странно. Потому что любая деталь, связанная с Блоком, тщательно обдумывалась ею. В подходе к размышлениям над этими текстами мы воспользовались одним ахматовским приемом: «Побольше стихов. Потому что из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал».¹⁰

Как заметил В. Мусатов, «...стихи Ахматовой всегда оказываются более точными, чем факты». ¹¹ В. А. Черных приводит довольно интересный факт: «13 марта: “Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух... Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души”». ¹² Этот текст почти двойник сюжетного действия ахматовской поэмы. Тайна, связанная с ожиданием Царевича, все сокровенные переживания, связанные с ним, обсуждаются с сестрой, вышивающей плащаницу:

А вечером в Вербную субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:
На тебе свечку мою и четки,
Библию нашу дома оставлю.
Через неделю настанет Пасха,
И мне давно пора собираться,—
Верно, царевич уже в дороге.
(Ахматова, 124)

Для нас важно то, что сюжет, вошедший в поэму, в жизни имел непосредственное отношение к теме Блока.

Вербная суббота 1913 года, выпавшая на 6 апреля, тоже оставила свой след в стихах Ахматовой. ¹³

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих —
С улыбкой предо мной стоял жених.

А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вешнее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!

(Ахматова, 136–137)

У Блока есть похожие смысловые акценты в стихотворении «Вербочки» (1906):

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
<...>
В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.
<...>
И на сонной улице
За углом целуются
Невеста и жених.

(Блок, 88)

Похоже, что здесь опять перифраз начатой Блоком темы.

В. В. Мусатов пишет о стихотворении «Ждала его напрасно много лет»: «...есть основания полагать, что речь в этих стихах идет о встрече с Блоком после всенощной накануне Вербного Воскресения, или Входа Господня в Иерусалим. Героиня стихотворения выходит со службы, на которой в этот праздник полагается стоять с зажженными свечками (“моя рука, закапанная воском”) и [после которой] верующие приносят зажженные в храме свечи домой (“А за окном народ неспешно шел”). Была ли эта встреча случайной или условленной, мы не знаем, но что в ней был элемент радостной неожиданности – несомненно». ¹⁴ «Важно, – пишет В. Мусатов, – что в стихотворении... продолжает жить память о встрече с Блоком, который к тому времени (1916) был от Ахматовой уже совершенно далек. И не менее важно, что оно пронизано блоковскими ассоциациями». ¹⁵

Вернемся к поэме «У самого моря». Принцип, по которому она

построена, тот же, что и в «Поэме без Героя». Все события разворачиваются в радостном ожидании Пасхального праздника. И, несмотря на то, что повествование грустное, оно все от начала и до конца пронизано эфиром предчувствия любви, любви абсолютной, такой, которая хранит в себе особую хрупкость и чистоту. Вера в то, что любимый уже в пути и вот-вот придет, сохраняет надежду до конца. Но как это часто у Ахматовой случается, в ситуацию вмешивается сила рока, которая, так же как и в случае с Пушкиным, не оставляет ей шанса испытать счастье.

И еще, возвращаясь к блоковской теме. Ахматова хорошо знала, как Блок относился к своей «Песне Судьбы» и какое важное значение он ей придавал. В блоковской «Песне Судьбы» героиня поет песню, которая своим демоническим действием околдовывает, завораживает, дурманит, лишает воли и ясности сознания. Это роковая Песня Судьбы. Похоже, в поэме «У самого моря» Ахматова использует тот же прием, но с другим знаком. Ахматовская героиня тоже хочет приманить царевича песней.

К самому уху ее склонившись,
Я прошептала: «Знаешь, Лена,
Ведь я сама придумала песню,
Лучше которой нет на свете».
И не поверила мне и долго,
Долго с упреком она молчала.
(Ахматова, 128)

Только Песня Фаины и Песня, которую ахматовская героиня «придумала» сама, имеют разную, если не противоположную природу.

Но, похоже, приготовленная ахматовской героиней песня не растревожила бы Блока. Уже тогда, подсознательно, он искал другого мира внутри себя.

Пророчества, которые звучат в его стихотворении, откликнутся позже, на пути к «Поэме без Героя». Сейчас же важно отметить, что обе поэмы имеют одну точку отсчета, которая является выражением сильнейшего драматического накала, нашедшего преломление в глубине лирического переживания героини-(автора). Именно это и заставляло меня интуитивно искать мостик между двумя лирическими произведениями – ранней и поздней Ахматовой.

Сейчас неожиданное и важное.

Проанализировав тщательным образом поэтические тексты, тексты критических статей Ахматовой и сопутствующие исследовательские работы, мы пришли к выводу, что творческим импульсом для создания двух наиталантливейших поэм Ахматовой, ранней – «У самого моря» и поздней – «Поэмы без Героя», стал образ Александра Блока или, точнее, – блоковская тема, которая в текстах Ахматовой занимает значительно большее пространство, нежели принято считать. Важно, что то же самое заметил и В. А. Черных относительно сборников «Вечер» и «Четки»: «... две первые книги Ахматовой “Вечер” и “Четки” – буквально пронизаны блоковскими аллюзиями, никто из поэтов старшего поколения не оказал такого глубокого влияния на творчество Ахматовой 1910–1913 годов, как Блок».¹⁶

Приблизительно к такому же выводу склонялся и В. Н. Топоров. Совершенно особенную роль в творчестве Ахматовой отводил А. Блоку В. В. Мусатов.

Теперь вернемся назад, к «Поэме без Героя», и опять обратимся к «Прозе о Поэме». Анна Андреевна пишет о самом первом импульсе, способствовавшем возникновению поэмы:

«Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, – это, конечно, запись Пушкина: “только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне”. Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу... что они навсегда слились для меня».

(Ахматова, 357)

Смеем предположить, что и в этом случае речь опять идет о Блоке. Понятно, что Ахматова говорит об очень сильном потрясении и катастрофе. Но ведь катастрофа совсем не обязательно убийство или самоубийство. Это та ситуация, которая обрушивает все в один миг раз и навсегда, необратимо...

В. В. Мусатов в своей книге обращает наше внимание на тот факт, что «предпочтение, отданное Блоком Л. А. Дельмас, сильно задело Ахматову. В ее “Записных книжках” несколько раз упоминается один и тот же эпизод, связанный с увиденным в “Академии художеств” (в зиму 1917–1918): “как он <Блок. – И. Б.> целовался с

Дельмас”»; “Целовался с Дельмас. Я видела, как они целуются”».¹⁷

Теперь вспомним еще раз роковой эпизод, который взят за основу сюжета «Поэмы без Героя». Это история измены, которую не смог пережить главный герой. Нам известно, что прототипами «Поэмы» были Ольга Глебова-Судейкина, прима 1910 годов и близкая подруга Анны Ахматовой, и Всеволод Князев, страстно влюбленный в нее Поэт, который, увидев, как Глебова-Судейкина целуется с другим, не перенес измены и покончил с собой. Похожий сюжет, правда? Может, это и есть та самая катастрофа, о которой говорит Ахматова (вспоминая целующихся Блока и Дельмас) и которая сильно напомнила о личном?

И еще, как мы уже сказали, Ахматова очень пристально, щепетильно и глубоко изучает «Каменного гостя» Пушкина в период работы над «Поэмой без Героя». Не новость, что Ахматова часто искала в Пушкине свое. Сюжет опять схож. Опять измена, опять персонаж любовного треугольника становится свидетелем любовного свидания, но Пушкин дает ему право карать. Правда, «он карает себя, молодого, беспечного, грешного» (в «Поэме» «не тебя, а себя казню...»). Может, поэтому Ахматова говорит о том, что нигде вопросы морали не решаются так принципиально и остро, как в «маленьких трагедиях» Пушкина, особенно в «Каменном госте». За что же героя ждет возмездие? Все за ту же «мертвенность» сердца. Все за ту же недолюбленность и холодную светскую беспечность.

И еще, о том, что, может быть, эти три сюжета и составляют тройное дно шкатулки (Донна Анна, Глебова-Судейкина и Дельмас). Хотя думаю, что разговоры о тройном дне – это только игра. И наше предположение – свидетельство тому, что игра принимается.

В письме к NN Ахматова пишет: «Осенью 1940 года, разбирая мой старый (впоследствии погибший после осады) архив, я наткнулась на давно бывшие у меня письма и стихи, прежде не читанные мною (“Бес попутал в укладке рыться”). Они относились к трагическому событию 1913 г., о котором повествуется в “Поэме без Героя”» (Ахматова, 358).

В том, что стихи не читанные, позволим себе усомниться. Вряд ли Ахматова стала бы так долго хранить неизвестные безделицы, тем более, будучи человеком пишущим, у которого и так всегда скапливается огромное количество бумаг. Или же наоборот, хранить не-

понятно что, зная, что в этом есть риск подвести не только себя, но и близких (с 1928 по 1953 год).

Я предполагаю, что среди тех бумаг, о которых идет речь, как раз и оказалось стихотворение Блока от 15 декабря 1913 года, которое вернуло ее памятью к трагическим событиям того года. Прочитав его спустя 27 лет, можно было наткнуться в своей памяти на то, что было пророчески угадано Блоком. Роковой 1940 год был для Ахматовой переломным. «Почерк у меня изменился, голос звучит по-другому». С этого расстояния многое виделось и воспринималось уже трезвей. Очевидно, пришла пора освободиться от того, что так долго она прятала от самой себя и что заставляло все эти годы преломлять жизнь в призме недопринятого и непережитого.

Именно поэтому:

Из года сорокового, как с башни, на все смотрю.
Как будто прощаюсь снова
С тем, с чем давно простилась...

(Ахматова, 304)

Первое посвящение поэмы, как и многие ее строчки, может бросить много бликов... и на Блока в том числе. Многие сравнивали его с античным красавцем Антиноем. Многое кажется в нем уместным и понятным: доверительность тона и повторение декабря в декабре, когда «снежинка на руке» тает. И то, что она тает без упрека. И то, как разговор поддерживается глазами, о чем много писал В. А. Черных: «Убедительные примеры нетривиальных соответствий и перекличек многих стихотворений из этой цепочки с поэзией Блока приведены в названных выше трудах В. М. Жирмунского и В. Н. Топорова. Мне также доводилось уже писать о повторяющемся мотиве поднятых и опущенных глаз в стихах Ахматовой и Блока конца 1913–начала 1914 гг.»¹⁸ И совсем понятна уместность траурного марша Шопена, мысль о котором возникает как сама по себе, но и тем более при отсыле Ахматовой к строфе о Блоке: «но была для меня та тема, / Как раздавленная хризантема / на полу, когда гроб несут».

А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как снежинка на моей руке,

Доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя
Вдруг поднялись, и там – зеленый дым,
И ветерком повеяло родным...
Не море ли? – Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаьи пен
Все ближе, ближе ... Marche funebre...
Шопен...

(Ахматова, 302)

Но вернемся ко второй картине, «выхваченной прожектором памяти из мрака прошлого, это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (1913). “Это где-то у стены”, – сказала Ольга, но найти не могла.

Я почему-то запомнила эту минуту навсегда» *(Ахматова, 357)*.

Почему Ахматова запомнила эту минуту навсегда, вполне можно объяснить. Наверняка в ее памяти всплыла строчка «Забудешь ты мою могилу, имя». Они с Ольгой не могли найти могилу прежде любимого.

И эта ситуация, предсказанная Блоком, напомнила о себе еще раз в день его похорон, снова бросив зеркальную тень на Ольгу Судейкину, будущую героиню поэмы, повторением уже второго личного сюжета. (Первый – когда она с другим целуется на лестничной клетке, второй – когда не может найти могилу Князева).

Конечно, наверняка, в памяти Ахматовой сразу же всплыли строчки из рокового блоковского стихотворения, подаренного ей в декабре 1913 года, т. е. 8 лет назад, параллельным смыслом, брошенные автору будущего текста поэмы, которая, вполне возможно, стала ответом на тот «тайный жар». И далее для Ахматовой наступает период, когда:

... есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

(Блок, 291)

Знаково выглядит в поэме «У самого моря» сцена прощания с царевичем (кстати, общение опять идет посредством глаз, которые имеют все тот же зеленый цвет):

Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза, зеленее моря
И кипарисов наших темнее,—
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепую.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»
Верно, я птицей ему показалась.

(Ахматова, 126)

В «Поэме» героиня принимает на себя уже роль вдовы и сестры. В ней сохраняется, как в 1914 году, мотив голубиности, птицы, ласточки, но вместе с ним прорываются новые нотки – мотива завещательности и ответного мотива преемственности :

Он увидел – рухнули зданья,
И в ответ обрывок рыдания:
«Ты – Голубка, солнце, сестра! –
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!

(Ахматова, 316)

Перечисляя свои встречи с Блоком, Анна Андреевна последней, вне всякой хронологии, назвала встречу 15 декабря 1913 года. Эта встреча была кульминацией и развязкой в отношениях Ахматовой и Блока.

И если «Поэма у самого моря» проговаривает сокровенное, то «Поэма без Героя» освобождает Ахматову от него. Понятно, что к моменту окончания работы над текстом поэмы, уже сорок один год (41 – опять удивительная игра цифр), как Блока не было в живых, но присутствие его темы не оставляло Анну Андреевну, потому что это действительно был величайший Поэт Эпохи, пожалуй, единственный равновеликий Поэту Ахматовой.

И если кого-то все еще интересуется: был ли роман у Ахматовой и Блока, я бы ответила названием главы из книги В. Мусатова, для Ахматовой это был «Сон о Блоке», греза, мечта.

Не было романа, а было то чувство, которое я не назову любовью. Это как Адамович говорил об Ахматовой: «Красавицей ее не назовешь, но она больше, чем красавица». Вот и это чувство, оно было больше, чем любовь, выше и бестелесней. Это был третий слой отношений на уровне эфира двух величайших поэтов, волею случая оказавшихся в одном месте и в одном историческом времени.

¹ Ахматова Анна. «Узнают голос мой...». Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. М., 1989. С. 365. Далее по тексту (Ахматова) с указанием страницы в скобках.

² Кихней Л. «Родословная» «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой: к мотивации интертекстов // Некалендарный XX век. М., 2011. С. 297–298. А еще раньше эту мысль высказала Н. И. Крайнева на «Мусатовских чтениях» (Великий Новгород, 2009) в докладе «“Маленькие поэмы” – первые “попутчицы” “Поэмы без Героя” Анны Ахматовой: история замысла и история текстов».

³ См.: Мусатов В. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М., 2016. С. 136–223.

⁴ Блок А. А. Возмездие. Избранное. М., 1978. С. 384, 385. Далее по тексту (Блок) с указанием страницы в скобках.

⁵ Мусатов В. Указ. соч. С. 151.

⁶ Черных В. А. Об Анне Ахматовой. Избранные работы. М., 2016. С. 59.

⁷ Мусатов В. Указ. соч. С. 146.

⁸ Цит. по.: Черных В. А. Указ. соч. С. 60.

⁹ Цит. по.: Мусатов В. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ Цит. по.: Там же С. 143.

¹¹ Там же. С. 109.

¹² Черных В. А. Указ. соч. С. 52.

¹³ См.: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. С., 2016. С. 95.

¹⁴ Мусатов В. Указ. соч. С. 122.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Черных В. А. Об Анне Ахматовой. С. 74–75.

¹⁷ Цит. по.: Мусатов В. Указ. соч. С. 151.

¹⁸ Черных В. А. Об Анне Ахматовой. С. 74.